

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Выпуск II

Барнаул 2010

**Алтайский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра востоковедения
Алтайский центр востоковедных исследований**

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
история и современность**

Выпуск II

Материалы международной
научной конференции
29 апреля 2010 года

Барнаул 2010

УДК 327 (51)
ББК 66.4 (54)
М 443

Издается по решению ученого совета исторического факультета
Алтайского государственного университета и совета Алтайского центра
востоковедных исследований

Рецензент
д.и.н., проф. Л.И. Шерстова

Редакционная коллегия
д.и.н., проф. А.В. Старцев (отв. редактор)
к.и.н., доц. И.В. Анисимова, к.и.н., доц. И.Б. Бочкарева, к.и.н., доц. Ю.А. Лысенко

М443 Международные отношения в Центральной Азии: история и современность: Материалы международной научной конференции. Барнаул, 29 апреля 2010 г. – Вып. II / под ред. А.В. Старцева. – Барнаул : Азбука, 2010. – 326 с.

ISBN 978–5–93957–442–6

В сборнике опубликованы материалы II международной научной конференции «Международные отношения в Центральной Азии: история и современность», посвященной памяти отечественного востоковеда, профессора В.А. Моисеева. Сборник знакомит читателей с актуальными вопросами международных отношений в Центральной Азии и на Дальнем Востоке, этнографии, истории и культуры народов Сибири и государств Дальнего Востока, социально-экономических и политических процессов в государствах Центральной Азии.

Издание представляет интерес для научных работников, преподавателей вузов, аспирантов, студентов, всех кто интересуется востоковедной тематикой.

Публикуемые материалы отражают личную точку зрения авторов и не всегда совпадают с мнением рекколлегии

УДК 327 (51)
ББК 66.4 (54)

ISBN 978–5–93957–442–6

© Анисимова И.В., Бочкарева И.Б.,
Лысенко Ю.А., составление, 2010.

³ Всеобщая история в таблицах и схемах. М., 1997. С. 30; Кан Г.В. История Казахстана: Уч. пособие. Алматы, 2000. С. 29; Козлова К.И. История первобытного общества и основы этнографии. М., 1974. С. 38; Кузнецов А.П. География. Население и хозяйство мира: Учебник. М., 1999. С. 44, 184; Наше Отечество. М., 1991. Ч. 1. С. 11.

⁴ Народонаселение... С. 40.

⁵ Наше Отечество... С. 11.

⁶ Народонаселение... С. 40–41.

⁷ Гумилёв Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М., 1993. С. 101.

⁸ Кан Г.В. История Казахстана... С. 29.

⁹ Гумилёв Л.Н. Ритмы Евразии... С. 307.

¹⁰ Там же. С. 308–309, 312–313.

¹¹ Там же. С. 486.

¹² Кузнецов А.П. География... С. 10, 40, 41.

¹³ Там же. С. 40.

¹⁴ Гумилёв Л.Н. Ритмы Евразии... С. 68.

А.А. Сизова

Роль российской дипломатии в регулировании миграционных процессов на центральноазиатских рубежах России и Китая (вторая половина XIX в.)

К концу XIX в. Центральная Азия являла собой регион сопряжения двух могущественных империй – Российской и Цинской. К этому времени население Туркестана, Кашгарии и Джунгарии (собираательно именуемых «Восточный Туркестан») имело многовековой опыт двусторонних контактов.

Политика Российской империи в Центральной Азии и российско-китайские отношения данного периода получили широкое освещение в мировой историографии. Однако никогда ранее сюжеты международных взаимодействий в Центральной Азии не рассматривались сквозь призму деятельности российских дипломатических (консульских) представительств, внесших существенный вклад в обеспечение национальных интересов Российской империи на западной границе с Китаем и регулирование международных взаимовлияний в регионе. Многосторонняя деятельность консульских заграничных учреждений, функционировавших на территории Цинской империи с середины XIX в., остается практически неизученной. Пристального внимания заслуживают мероприятия российских консульств в Западном Китае, анализ которых позволяет заключить, что в разрешении многих вопросов пограничного размежевания, приграничного взаимодействия народов двух империй, постконфликтного урегулирования (после дунганского восстания 1868–1874 гг.) и т.д. российские консулы в Синьцзяне сыграли роль не менее важную, чем пограничные власти Российской империи.

Вторая половина XIX в. в истории Центральной Азии¹ характеризуется как период активной экспансии европейских государств, их соперничества друг с другом, а также с региональными азиатскими державами за влияние на те или иные территории и народы на пространстве от Каспийского моря до киргизских степей. С образованием Заилийского края (1854) Россия вошла в прямое соприкосновение с Цинской империей, что обусловило возникновение западной российско-китайской границы через Восточный Туркестан со стороны Китая и Семипалатинскую и Семиреченскую области со стороны России. После присоединения Кокандского ханства (1876) граница с Поднебесной империей протянулась на юг вдоль Ферганской области.

Данные геополитические трансформации породили ряд новых внешних - региональных – вызовов безопасности² России, связанных с интенсификацией трансграничных контактов населения обеих империй, разграничением с Китаем в регионе, негативными для политической и экономической обстановки в «русской Средней Азии»³ эффектами сепаратизма в Синьцзяне⁴. Несмотря на снижение интенсивности российско-английского соперничества в Центральной Азии в конце 1880 - начале 1890-х гг., и фактическую победу в нем России (закреплена созданием единой системы управления Туркестаном, постепенной его интеграцией в хозяйственную систему империи⁵), Россия продолжала сталкиваться в регионе с *вызовами международной системы*, т.е. с экспансией держав и борьбой за «сферы влияния».

Обеспечение безопасности России на вновь обретенных центрально-азиатских рубежах входило в обязанности генерал-губернаторств (с 1867 г. – Оренбургского⁶, Западно-Сибирского и Туркестанского, с 1882 г. – Туркестанского и Степного⁷) и их глав – генерал-губернаторов, обладавших полнотой военной и административной власти на вверенных территориях. Последние одновременно являлись командующими соответственно Омского и Туркестанского военных округов. Степной генерал-губернатор также выполнял обязанности наказного атамана Сибирского казачьего войска. Генерал-губернаторам были подотчетны военные губернаторы отдельных областей. Малоизвестно, что в решение вышеуказанных проблем безопасности империи существенный вклад внесли и российские консульские учреждения, расположенные в Западном Китае, по мере необходимости, вступавшие во взаимодействие с пограничными властями.

Создание российских консульств в Синьцзяне, в первую очередь, связано с заинтересованностью России в развитии значимых для населения Сибири и Туркестана приграничных хозяйственных контактов с данным регионом - беспокойной в политическом отношении многонациональной мусульманской окраиной Цинской империи, где понятие «кон-

сульская защита» предполагало и физическую защиту российских торговцев. Данный процесс также был обусловлен действием системных факторов, определявших логику поведения колониальных держав в изучаемый период. Торговые связи России с Китаем в Центральной Азии развивались с начала XVII в.,⁸ но не были регламентированы ни одним международным документом. С началом активной фазы экспансии западноевропейских держав в Цинской империи в середине XIX в., Россия не могла допустить получения ими больших по объему привилегий в отношениях с Китаем и воспользовалась моментом для подписания такого документа.

Заключение Кульджинского договора 25 июля 1851 г. стало поворотным пунктом в развитии торговых сношений России и Китая на рубежах Центральной Азии, узаконив уже существовавшую в Или и Тарбагатае русскую торговлю, а также назначение в города Западного Китая консульских представителей⁹. Впоследствии, по Пекинскому (1860)¹⁰ и Петербургскому (1881)¹¹ договорам права и привилегии российских подданных в Синьцзяне были значительно расширены, легитимизировано открытие новых консульств. Антицинское восстание 1864–1878 гг. привело к разрушению российских факторий в Кульдже и Чугучаке¹², но по Петербургскому договору, они были восстановлены, а также открыты новые заграничные учреждения в Кашгаре¹³, а позднее, в Урумчи.

Статус российских консулов в Застенном Китае (Синьцзяне, Монголии и Маньчжурии) характеризовался рядом специфических черт. Во-первых, как и все европейские консульские представители на Востоке, российские консулы обладали правом *экстерриториальности и консульской юрисдикции*. Во-вторых, являясь единственной российской властью в Западном Китае, консулы, были наделены *широчайшими полномочиями*, по объему равными генерал-губернаторским, и помимо выполнения традиционных функций – содействия развитию двусторонней торговли и защиты интересов российско-подданных, решали любые задачи, проистекавшие из двустороннего взаимодействия России и Китая, в том числе, задачи *дипломатического представительства*¹⁴ империи¹⁵. В-третьих, на таких окраинах Китая, как Синьцзян и Внешняя Монголия, высока была степень *автономности* консулов *в принятии решений*. Свои действия они координировали с Посланником в Пекине, но «особое положение» этих чиновников, несших службу в столь удаленных, незнакомых и «сложных» регионах, глубокое знание ими местной ситуации лишали смысла обычный механизм подробного инструктирования консулов МИДом, о решениях которых по конкретным вопросам Посланник и Петербург нередко узнавали по факту¹⁶.

Российские консулы в Синьцзяне оказывали значительную поддержку военно-административным властям Средней Азии в решении це-

лого ряда вопросов безопасности, связанных с взаимодействием России и Китая, - от устранения из региона иностранных разведчиков до решения вопросов разграничения, разработки проектов новых транспортных путей, борьбы с трансграничной преступностью и т.д.

Одним из вызовов безопасности центрально-азиатских рубежей России, в отражении которого консульства в Кульдже, Чугучаке и Кашгаре сыграли значительную роль, была *проблема миграционных потоков* российско- и китайско-подданого населения через западную границу в период после урегулирования «Илийского кризиса» и подписания Петербургского договора 1881 г.

Незаконная миграция китайских мусульман на территорию российской Средней Азии и российско-подданных киргизов в Китай обращала на себя внимание царского правительства с 1860-х гг. в связи с развитием национально-освободительного движения в Синьцзяне. Успехи дунганской «инсurreкции» стимулировали бандитизм, массовые переходы российским населением границы между Семиречьем и Кульджинским краем, что постепенно выходило из-под контроля царской пограничной администрации¹⁷. С другой стороны границы – в Кульдже и Чугучаке российские власти – консульства, как и российские фактории, подверглись нападениям и были вынуждены выехать из этих городов, в силу напряженности сложившейся в регионе обстановки. В период с 1871 по 1882 гг. отражение вызовов безопасности, поступавших из Синьцзяна в Семиречье, осуществлялось российскими военными отрядами в Илийском крае, ставшими гарантами внутренней безопасности и самого Китая. Только после возвращения занятого Россией Илийского края под контроль Цинов работа консульств в Кульдже и Чугучаке была реанимирована, и они включились в процесс ликвидации негативных последствий «Илийского кризиса» и урегулирования миграций мусульманского населения.

После 1882 г., в соответствии со ст. 3 Петербургского договора, таранчам, дунганам и киргизам Илийского края было предложено самостоятельно решить для себя вопросы подданства (России или Китая). Населению Илийского края позволялось принять либо китайское подданство и остаться на прежнем месте, либо российское подданство – и переселиться в пределы России. Практически все население края, боясь репрессий со стороны цинских властей, пожелало принять российское подданство¹⁸. Относительно целей переселения таранчей, дунган и киргизов в Семиречье, которое закончилось к 1884 г., в историографии нет единого мнения (стремлением правительства ослабить экономические позиции Китая в Кульдже и усилиться на его границах за счет военной силы и хозяйственной деятельности таранчей и дунган; акт ли гуманизма во имя спасения сотни тысяч людей от маньчжурских репрессий, результатом которых станут новые потоки мигрантов в Россию; желание ли посредством де-

монстрации великодушия повесить свой статус в глазах европейских держав и др.). Не вызывает сомнений то, что данная акция, в первую очередь, была направлена на предотвращение очередной вспышки насилия в приграничных с Китаем районах и стабилизацию общеполитической обстановки в регионе.

На долю консульств в Кульдже и Чугучаке, возобновивших работу в 1882 г., выпала работа по контролю над переселением в Семиреченскую область. Численность переселенцев по переписи 1897 г. составила 71091 чел. (55815 уйгуров и 15276 дунган), которые обрели новое место жительства в Верненском и Джаркентском уездах Семиреченской области, а также между реками Хоргос и Усек, где в 1882 г. ими был основан г. Джаркент¹⁹. Сюда же в 1882 г. перекочевали 5440 семей киргизов (казахов)²⁰.

Значительную помощь в обеспечении стабильности в регионе сыграла работа консульств в Кульдже и Чугучаке, когда, вопреки планам Туркестанского генерал-губернаторства, начался исход таранчей и дунган из России в Китай. Переселившись в российские пределы, оставив старые дома, пашни и пастбища в Кульдже и начав жизнь с нуля, часть переселенцев оказалась в тяжелой ситуации. Нехватка земли в Семиречье, которая ухудшила общее экономическое положение таранчей, по сравнению с сородичами, оставшимися в Китае, невыраженная способность к культурной адаптации, а также наличие близких родственников в Кульдже привели к возвращению почти 1/7 таранчинских семей на свои пепелища в Или, без уплаты причитающихся податей. К концу 1880-х гг. китайские власти стали поощрять самовольную «репатриацию» таранчей из России, обеспечивая им более или менее сносные условия жизни, однако уже в 1900-е гг. цинское правительство прекратило поддержку переселенцев, что ослабило процесс ремиграции. Тем не менее, в середине 1900-х гг. в Или проживало около 6 тыс. беглых «русских» таранчей.

По распоряжению правительства пограничные власти и консульства Западного Китая должны были разыскивать и выдворять перебежчиков в пределы империи. За русскими таранчами, приезжавшими в Или по своим делам, также, охотились и цинские власти, задерживая их в отместку за уход в Россию. Как писал Н.В. Богоявленский, консульство в Кульдже «изнемогало от переписки и хлопот по делам о выдворении таранчей»²¹. Негативными последствиями данной практики была и маргинализация возвращенных, рост преступности, неприязни к русским, и, в целом, дестабилизации Семиречья. Преступность маргиналов среди бежавших из России таранчей, которые, обнищав, шли на правонарушения, доставляла «немало хлопот консульству и местной китайской администрации»²².

Консулы Кульджи в докладных записках на рубеже XIX–XX вв. не раз предупреждали Петербург о бессмысленности высылки таранчей в российские пределы и необходимости ее прекращения. Н.В. Богоявлен-

ский называл данную практику «большой ошибкой»²³, в независимости от ее мотивов. В качестве доводов приводилась статистика обнищавших семей, насильственно возвращенных из дома к русскому месту приписки, вызванное этим озлобление уйгуров, серьезные казенные затраты на их поиск и препровождение в Россию, обременительность для консульства данной полицейской работы. В изменившейся экономической обстановке консулы предлагали правительству предоставить таранчам возможность самим определить свое подданство, поскольку для государственных интересов России репатриация данной группы была небольшой потерей. По причине дошедших в 1901 г. до Синьцзяна беспорядков ихэтуаней, а затем урегулирования их последствий, консульские рекомендации не возымели в тот период должного эффекта. С 1911 г., в связи с синьцзянскими брожениями, порожденными Синьхайской революцией, вопрос о беглых таранчах вышел из фокуса внимания правительства.

Политика выдворения из Китая распространялась и на киргизов, которые продолжали использовать старые кочевые маршруты, проложенные еще до проведения государственной границы между Россией и Китаем, невзирая на пограничную линию, и не желавшие платить налоги ни одной из двух империй²⁴. Со второй половины 1890-х гг. пограничные власти России стали принимать меры по возвращению из китайских пределов российско-подданных киргизов и прикреплению их к определенным пунктам. Искать и выдворять беглецов приходилось консульствам Чугучака и Кульджи. Однако нехватка свободных земель для кочевков в России, борьба политических партий в волостях за лучшие участки, злоупотребления чиновников заставляли киргизов вновь бежать в Китай. Повсеместно наблюдались периодические откочевки и многократная смена подданства киргизов. «Полицейская» работа отнимала у консульств много времени и, видя ее неэффективность, консулы ходатайствовали о предоставлении таранчам и киргизам права определения собственной судьбы.

Для разрешения многочисленных споров кочевых хозяев как следствия беспорядочных откочевков, российские консулы Н.Н. Балкашин и В.М. Успенский предложили проводить «международные съезды» при участии консулов, цинских чиновников и представителей пограничных селений²⁵. Данные мероприятия, проводившиеся раз в три года и длившиеся 1-2 месяца, имели результатом решение в среднем до тысячи дел и помогли снимать напряжение на границе. Более мелкие дела между российскими и китайскими мусульманами, консулы предложили решать по суду мулл²⁶.

После передачи Илийского края Пекину российские консульства оказали помощь китайскому населению, переселившемуся из России, по защите от гнета маньчжурских властей²⁷. Несмотря на объявленную в 1881 г. амнистию, жизнь мусульман в Кульдже не улучшилась. В Кашга-

рии правительство восстановило прежнюю систему национального и религиозного гнета, вследствие чего уйгуры вновь стали обращаться в Туркестанское генерал-губернаторство с просьбами взять их под протекцию России. В 1885 г. мусульманское духовенство Восточного Туркестана обратилось в российское консульство в Кашгаре с письмом о тяжелом положении населения региона под цинским владычеством, вследствие чего царские чиновники ходатайствовали перед маньчжурской администрацией о прекращении дискриминационных и репрессивных мер управления репатрированным мусульманским населением Синьцзяна.

Российские консульства были глубоко вовлечены в решение проблем переселенческого процесса и нелегальной миграции через западную границу России и Китая в 80 - 90-е гг. XIX в. С одной стороны, они внесли существенный вклад в реализацию мероприятий по возвращению беглого населения в ранние годы их проведения, с другой - первыми артикулировали их неэффективность и даже вред для национальных интересов страны. Противостоя бесполезным и обременительным для казны мерам Туркестанской администрации, они ходатайствовали перед царским правительством об их отмене. В процессе решения проблем миграции консульства в Кульдже, Чугучаке и Кашгаре боролись с преступностью на территории как Синьцзяна, так и Средней Азии. Большое значение для снятия напряжения пограничного населения имели инициированные ими «международные съезды». Кроме того, консульский институт выступил гарантом «человеческой» безопасности в Западном Китае, предотвратив наказания беглого мусульманского населения, а тем самым, и новые волны беженцев в «русскую» Среднюю Азию, нарушавшие социальный и экономический баланс региона. В 1880 - 90-е гг. консульства приняли деятельное участие в скорейшей реанимации российско-китайского торгового дела в Синьцзяне в целях экономической стабилизации приграничья, в том числе, «трудоустройства» мигрантов-мусульман.

Таким образом, в данной статье кратко рассмотрен один из аспектов многогранной деятельности российских дипломатов в Западном Китае в области регулирования российско-китайских отношений в конце XIX столетия. Однако уже на примере данного сюжета можно сделать предварительный вывод о том, насколько важную роль в изучаемый период сыграла работа консулов России в Синьцзяне в обеспечении безопасности Центрально-азиатского региона и добрососедских отношений России и Китая.

Примечания

¹ Термин «Центральная Азия» используется в работе в его традиционной историко-географической интерпретации, данной А. Гумбольдтом. В Центрально-азиатский регион,

помимо территорий современных республик Центральной Азии, также включалась Монголия и Западный Китай.

² В соответствии с политической терминологией изучаемой эпохи, понятие «безопасность» в данном исследовании следует трактовать сообразно реалистической парадигме, а именно, как отсутствие угроз ключевым интересам государства, а именно выживания и аккумуляции власти. Под «безопасностью Центральной Азии» здесь следует понимать обеспечение Российского государства от военных, политических и экономических вызовов, возникающих как на территории ее центрально-азиатских владений (внутренних вызовов), так и исходящих с территорий соседних государств (внешних вызовов), ставивших под угрозу целостность, стабильное развитие данного российского региона, следовательно, целостность, стабильность и развитие самой империи.

³ «Русская Средняя Азия» (Средняя Азия) - собирательное название центрально-азиатских владений Российской империи, приобретенных в период 30-е гг. XVIII в. - 80-е гг. XIX в.

⁴ Самым продолжительным и серьезным с точки зрения влияния на структуру региональной международной системы стало восстание мусульман 1864-1878 гг., в результате которого в Синьцзяне были созданы теократические государственные образования Кульджинский (Таранчинский) султанат, Урумчийский (Дунганский) султанат и Йэтишар (Семиградье). «Семиградье» названо по числу образовавших его городов: Кашгар, Янги-Гиссар, Хотан, Аку, Яркенд, Куча, Курля. Главе Йэтишара Якуб-беку Турецким султаном был присвоен титул эмира. Государство было признано Великобританией, Турцией и Россией. Йэтишар захватил Урумчи, подчинив большую часть Синьцзяна. Россия закрыла Якуб-беку и увеличивавшей в Кашгарии влияние Британии путь на север, оккупировав летом 1871 г. Илийский край (Кульдже) на условиях возвращения этой территории Китаю, когда он будет способен контролировать ее. «Кульджинский вопрос» был разрешен по Петербургскому договору 1881 г. Подробнее см.: Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии. Барнаул, 2003. С. 67-170; Моисеев С.В. Взаимоотношения России и уйгурского государства Йэтишар (1864-1877 гг.). Барнаул, 2006.

⁵ «Положение об управлении Туркестанским краем» в 1886 г. / Свод Законов Российской Империи. В пяти книгах. Книга первая. Т. 1-3. Т. 2. СПб., 1912. С. 427-446.

⁶ В 1881 г. Оренбургское генерал-губернаторство упразднено.

⁷ Официальное название – Степной край. Образовано в 1882 г. с центром в Омске, включало Акмолинскую, Семипалатинскую и Семиреченскую области (север современного Казахстана). С его созданием упразднено Западно-Сибирское генерал-губернаторство, из состава которого переданы Акмолинская и Семипалатинская области. Семиреченская область передана из ведения Туркестанского генерал-губернаторства, просуществовала в его составе до 1898 г., когда вновь вернулась в состав Туркестанского генерал-губернаторства. По состоянию на 1914 г. включало области: Акмолинскую (Омск) и Семипалатинскую (Семипалатинск).

⁸ Кожирова С.Б. Российско-китайская торговля в Центральной Азии (вторая половина XIX – начало XX вв.). Астана, 2000. С. 10.

⁹ В 1851 г. были открыты первые консульства в Западном Китае – в Кульдже (Илийском крае) и Чугучак (Тарбагатайском округе).

¹⁰ По ст. 8. Пекинского договора России разрешалось открыть консульство в Кашгаре (создано в 1882 г.).

¹¹ Закрепил за русскими право открыть консульства в Турфане (не было открыто), и, «по мере развития торговли и по соглашению с китайским правительством», в Урумчи (ст. 10) (открыто в 1896 г.).

¹² Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии. Барнаул, 2003. С. 71-74, 94.

¹³ Условия заключения договора и обсуждение вопроса о консульствах см.: Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимовлияний. М., 2004. С. 71-182.

¹⁴ Фактическое выполнение в изучаемый период консулами в Синьцзяне функций политического представительства позволяет употреблять понятия «консульский представитель» и «дипломатический представитель» как тождественные.

¹⁵ Богоявленский Н.В. Западный Застенный Китай. Его прошлое, настоящее состояние и положение в нем русских подданных. СПб., 1906. С. 345.

¹⁶ Там же. С. 361.

¹⁷ Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии... С. 106.

¹⁸ Дубровская Д.В. Судьба Синьцзяна. Обретение Китаем "Новой границы" в конце XIX в. М., 1998 / http://www.anzob.info/index.php?a=7&b=69&c=hud_lit&module=articles

¹⁹ История Казахстана: народы и культуры. Алматы, 2001. С. 221–222.

²⁰ Обухов В.Г. Схватка шести империй. Битва за Синьцзян. М., 2007. С. 77.

²¹ Богоявленский Н.В. Западный Застенный Китай... С. 325.

²² Там же. С. 327.

²³ Там же. С. 323.

²⁴ Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии... С. 235.

²⁵ Хафизова К.Ш. Международные съезды как новая форма регулирования отношений между Россией и Китаем во второй половине XIX в. // Из истории международных отношений в Центральной Азии (средние века и новое время). Алма-Ата, 1990.

²⁶ Договор о разбирательстве тяжб по закону шариата между живущими в Чугучаке мусульманами, подданными России и Китая, 5 марта 1883 г. / Русско-китайские договорно-правовые акты. С. 146-147.

²⁷ Воскресенский А.Д. «Илийский кризис» и русско-китайский Ливадийский договор 1879 г. // И не распалась связь времен... М., 1993. С. 257-273; Моисеев В.А. Указ. соч. С. 171-227; Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке (1860-1895 гг.). М., 1956. С. 227-237.

В.А. Макаров

«Конструирование соперников»: «британские конкуренты» в Китае по материалам английских периодических изданий (1898–1902 гг.)

Борьба за влияние в Китае стала одной из ключевых проблем мировой политики рубежа XIX–XX вв. Китай оставался одним из немногих «свободных рынков», не затронутых протекционизмом. Поднебесная обеспечивала рынок для ланкаширского хлопка¹ и банковского капитала Британии². К Китаю также проявляли пристальный интерес Российская Империя, Германия, Франция, Япония, США. Защита британских интересов в Китае превращалась в одну из насущных проблем внешней политики Великобритании и привлекала все большее внимание в обществе.

Каковы были британские взгляды на противников Британии, как «конструировались» их образы, отраженные во влиятельных британских журналах, газетах и экономических изданиях? Объектом анализа являлись материалы по дальневосточной проблематике авторитетнейшего британского «толстого» журнала «The Nineteenth Century», влиятельного делового издания «The Economist»³ и газеты «The Times» за 1898–